

УДК 9

DOI 10.21661/r-557186

М.А. Федюнина

О ПОЛОЖЕНИИ КОРЕЙСКИХ ЖЕНЩИН В ПЕРИОД ЯПОНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (1905 – 1945 ГГ.)

***Аннотация:** в статье рассматривается трансформация положения женщин в контексте колонизации Кореи. Открытие Кореи во второй половине XIX в. сделало ее уязвимой перед более развитыми государствами: в ходе борьбы за новую сферу влияния Япония установила над Кореей протекторат. Вопреки ожиданиям некоторых реформаторов, Япония не стала опорой в модернизации корейского государства, воспринимая Корею только как колонию. Привлечение женского малооплачиваемого труда и сексуальная эксплуатация кореянок стали доказательством эксплуатационного характера японской колониальной политики.*

***Ключевые слова:** Корея, Япония, колониальный режим, образовательная политика, новые женщины, женское движение, женщины для утешения.*

Колониальный период стал переходным этапом развития корейского общества: на протяжении долгих лет существовало утверждение, что именно японское колониальное правление способствовало развитию страны. В качестве одного из аргументов часто приводится статистика уровня грамотности населения. Так на момент начала оккупации школу посещали 20% мальчиков и меньше 1% девочек, а к концу колониального режима, в 1945 г. – 70% и 20% соответственно. Это позволяет говорить, что уровень грамотности возрос в несколько раз: (с 4% до 60% у мужчин, и у женщин – с 0,5% до 20%) [Тертицкий, 2012, с. 300].

1 ноября 1911 г. генерал-губернатором Кореи был издан первый закон «О постановке дела народного образования в Корее», который установил двухступенчатую систему образования: 4 года начальной школы и 4 года старшей [Якимова, 2016, с. 120].

Первая школа специально для девушек, под началом Управления генерального резидента была учреждена еще в 1908 г. Впрочем, образование для девочек не было обязательным, и учрежденные старшие школы были рассчитаны всего на три года обучения. Более того, численность образовательных учреждений для мальчиков была куда больше.

В список преподаваемых предметов входили мораль, национальный язык — японский, корейский язык, ханмун, история, арифметика, естествознание, домохозяйство и т. д.

Однако следует понимать, что поощрение женщин к получению образования привело к росту грамотности в основном среди высших сословий, и помимо того, как и в отношении обязательного образования, политика образования для женщин преследовала ограниченные цели: получение базовых знаний и развитие навыков ведения домашнего хозяйства [Ким, Хохлова, 2017, с. 111].

По мере распространения образования, и проникновения западной культуры в корейское общество, традиционный образ женщины подвергался критике. Так в Корее распространился термин «новые женщины» (신 여성), им описывали женщин, которые не только заботились о себе экономически, но и подвергали критике устоявшиеся представления о семье и браке. Этот термин получил всеобщее признание в марте 1920 г., когда Ким Вон Джу в числе других выпускниц женской школы Ихва «이화 여자 대학교» опубликовала журнал «신 여자», нацеленный на просвещение женщин и провозглашение равенства полов [Suh, 2013, с.20].

Сам термин «Новая женщина» возник на Западе в XIX в. и проник в Корею через Японию. Трактовать термин «Новые женщины» однозначно весьма сложно, «новой женщиной» считались многие кореянки: от общественных активисток, крестьянок или рабочих, которые участвовали в женском движении, до женщин, которые получили образование, бросив этим вызов традиционной патриархальной системе.

Первыми «Новыми женщинами» в Корее стали те немногие представители элиты, которые в период с конца периода Чосон до 1910-х годов смогли получить

современное образование в Японии, на Западе или на родине в образовательном учреждении, основанном иностранными миссионерами. В эту группу входят Пак Эстер (1876–1910), которая изучала медицину в Соединенных Штатах и стала первой женщиной-врачом в Корее, а также основательницей школы *Ихва*.

К началу 1930-х годов проблема «Новых женщин» перестала преобладать в газетах и журналах. Поскольку общая социальная атмосфера колониального периода пропагандировала традиционный образ «мудрой матери, хорошей жены», большинство женщин, относящихся к низшим слоям населения или проживавших далеко от столицы, не имело доступ к просветительским журналам и не воспринимало идеи о гендерном равенстве.

В отличие от положения богатой аристократии, состояние бедных слоев населения лишь ухудшалось, что подчеркивает эксплуатационный характер колониальной политики: на период начала политики протектората уровень жизни корейцев возрос, а к 1930-м гг. заработная плата рабочих не повышалась. Показатель заработной платы в 1920 году снизился на 15% в 1925 году, примерно на 25% в 1935 году и на 32% в 1940 году. Падение заработной платы за этот период было в значительной степени обусловлено японской практикой управления трудовыми ресурсами, предусматривающей использование труда женщин и подростков. В 1922 году женщины составляли 20,5 процента рабочей силы, но в 1929 году этот показатель увеличился до 33,3 процентов [Kwon, Leggett, 1995, с.12].

Так корейские женщины в 1920–1930-х гг. всё чаще стали устраиваться на работу, а не заниматься исключительно домашним хозяйством. Однако привлечение труда женщин на производствах нельзя назвать однозначно положительной стороной японской политики: рост применения женского труда начался после I-й мировой войны. Главной причиной можно назвать необходимость обеспечения семьи в условиях сокращения заработных плат мужчин. В 1940-е гг. трудовая и военная мобилизация вынуждала корейских женщин работать на заводах и фабриках, что наблюдается и в других странах: в СССР, США, Великобрита-

нии женщины были привлечены к производству, взамен ушедших на фронт мужчин, что объясняет распространенность использования женского труда в военный и предшествовавший ему период.

Еще одним закономерным явлением на фоне исторических событий стало формирование женского движения. Концом «сабельного режима» 1910–1919 гг. стало первомартовское восстание. На волне патриотического подъема после событий марта 1919 г., возникает Общество женщин-патриотов (大韓愛國婦人會) в Пхеньяне. Стремительно распространявшиеся социалистические идеи также повлияли и на формирование социалистического объединения среди женщин.

Отдельно можно выделить общественную организацию религиозного характера, которая также была создана на волне женского движения: в 1922 г. в Корее открывается филиал Христианской ассоциации молодых девушек (YWCA).

И если политические союзы видели в освобождении женщин от патриархальных устоев второстепенную задачу, в соответствии с классовой теорией, то женщины-активистки в первую очередь придерживались умеренно националистических идей и решение женских проблем (ликвидация женской проституции и запрет ранних браков).

В 1927 г. была предпринята попытка объединить множество женских союзов и объединений против колониализма в рамках организации *Кынухве* (근우회). Основным направлением деятельности организации стали пропаганда и просвещение о проблемах женщин. Их требования уже не ограничивались проблемами проституции и ранних браков. В своем манифесте женщины требовали запретить продажу женщин, ликвидировать дискриминацию в оплате труда, введение оплачиваемого отпуска по беременности, запрет опасного ночного труда для женщин. Однако в 1930-х гг. общество было распущено без объявления о роспуске [Ким, 2018, с.265].

Самым серьезным явлением, которое имело место во времена японского колониального правления стала насильственная мобилизация кореянок для так называемых «станций утешения».

Первая «станция комфорта» японских военных была создана по частной инициативе в Шанхае в 1931 г. При упоминании «станций утешения» в Шанхае многие вспоминают имя Окамуры Ясудзи, заместителя начальника штаба Шанхайской экспедиционной армии. По его заявлению, армейские «станции комфорта» были созданы, чтобы предотвратить изнасилования женщин японскими военными, что подрывало моральный дух солдат. Вскоре после Второго Шанхайского сражения и занятия японскими войсками города «станции комфорта» были упразднены [Li, 2020, с.28].

Также ученые выделяют и другие причины создания сети «станций утешения», среди которых необходимость снижения недовольства местного населения преступлениями японцев, противодействие шпионажу через проституток, а также препятствование распространению венерических заболеваний в армии [Дьячков, 2016, с.105]. Для оказания услуг рекрутировались девушки примерно 14–20 лет с подконтрольных империи территорий, в первую очередь – из Кореи, а также из Китая, Филиппин, Индонезии, порой – и Японии. Работниц «станций утешения» японцы называли *ианфу*, в корейском варианте – *вианбу* (위안부) то есть «женщины для утешения».

Набор женщин осуществлялся различными методами: некоторые были набраны добровольно, но большую часть составляли женщины, которые были привлечены рекрутерами обещаниями работы на японских фабриках и были обмануты. Были случаи похищения девушек или фактической продажи их родственниками, распространен был и насильственный набор через корейских посредников (чиновников, старост деревень, даже родственников). При этом участие корейцев, которые вербовали и принуждали корейских женщин к работе в борделях, не афишируется в наши дни [Иванов, 2014, с.205].

Оценки количества *вианбу* разнятся, от нескольких тысяч до 400 тысяч, однако можно утверждать точно, что примерно половину составляли жительницы корейского полуострова [Тихонов, 2011, с.148].

Условия жизни на «станциях утешения» регламентировались локальными правилами. Согласно различным регламентам, комфортные станции продолжительное время открывались с 9:00. или 10:00. до позднего вечера. Посещение *вианбу* было платным для солдат и офицеров: в одном из документов было прописаны следующие данные: «Ограничение по времени – один час на одного человека. Стоимость услуг: китайка – 1 йена, корейка – 1,50 йен, японка – 2 иены». На всех «станциях утешения» проводились медосмотры для предотвращения распространения венерических заболеваний и оказания первичной медицинской помощи [The 2nd Independent, 1938].

Заключение

Существуют два взгляда на историю колониального периода в Корее: сторонники теории колониальной модернизации считают, что правление колониальной администрации внесло большой вклад в модернизацию государства, корейские историки же считают колонизацию – способом эксплуатации корейского народа.

Японское правление обеспечило создание административного аппарата, общенациональный рынок, полицейскую систему, а унифицировали систему мер и весов. В интересах империи было также и создание сети производств на северной части полуострова, что создавало условия для возникновения промышленного рабочего класса. Создание общей системы образования и введение обязательного начального образования повысило уровень грамотности населения.

И для женщин наступил новый период: получение доступа к образованию, формирование первых групп и общественных движений происходило именно во времена колониального управления, однако такие незначительные улучшения были скорее сопутствующим фактором, чем непосредственной целью японской администрации.

По мере обострения ситуации в мире, Япония отказывалась от политики «гуманного правления» и начала пресекать все возможные антиколониальные движения. Жесткий режим продолжался до 1940-х гг., когда в военных интересах,

Японская империя начала военную и трудовую мобилизацию среди населения полуострова.

Если принимать во внимание все положительные изменения в жизни женщин, случившиеся во время оккупационного периода корейской истории, то они возникли либо «вопреки» существованию колониальной системы, либо стали закономерным продолжением уже заложенных процессов, либо оказались общемировыми тенденциями, в то время как действия Японской империи по созданию системы станций, где японские солдаты могли бы удовлетворить свои потребности ценой морального и физического здоровья женщин, рекрутированных в колонии, было признано преступлением.

Из этого можно сделать вывод, что японская политика в отношении женщин на подконтрольных территориях была косвенно или прямо направлена на их эксплуатацию в пользу собственного государства и нации.

Список литературы

1. Kwon S., Leggett C. «Origins of the Korean Labour Movement»// Policy, Organisation and Society. 1995. 3–26 pp.
2. Li Hongxi «The extreme secrecy of the Japanese army's «comfort women» system»// Chinese Studies in History Vol. 53(1), 2020. 28–40 pp.
3. Suh Jiyoung The «New Woman» and the Topography of Modernity in Colonial Korea»// Korean Studies Vol. 37. 2013. 11- 43 pp.
4. The 2nd Independent Heavy Siege Artillery Battalion «Regulation for the use of Comfort station». – Shiryoshusei. Vol. II. 1938. 351–258 pp. // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.awf.or.jp/e1/facts-09.html>
5. Дьячков И.В. «Женщины для утешения» в южнокорейско-японских отношениях: исторический и политический аспекты» // Вестник Тамбовского Университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – №10. – С. 104–109
6. Иванов К.В. «Исторические проблемы Кореи периода 1905–1945 гг. и их современное наследие: колониальная модернизация, ассимиляция корейцев и проблема «прояпонских деятелей» // диссертация на соискание учёной степени канд. исторических наук. Иркутск. 2014. 267 с.

7. Ким Н. Н. «Эволюция женского общественного движения в Республике Корея»// КНДР и РК – 70 лет. Коллективная монография. Москва. 2018. С. 263–276.
8. Ким Н. Н., Хохлова Е. А. «Эволюция социального положения женщин в Корее: от традиционного общества к современному»// Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2017. №3. С. 106–122.
9. Тертицкий Ф. К. «Образовательная политика Японии в колониальной Корее»// Вестник РГГУ. – 2012. – №20: Востоковедение: Африканистика. – С. 290–302.
10. Тихонов В. М., Кан Мангиль «История Кореи»: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век / Корея: 1905–1945 гг. (В. М. Тихонов); Южная Корея: 1945–1992 гг. (Кан Мангиль) – М.: Наталис. 2011. 499 с.
11. Якимова Д.А. «Общее и особенное в колониальной политике Японии в Корее»// Корейский полуостров в эпоху перемен. ИДВ РАН, Москва. 2016. С. 114–126.

Федюнина Марина Андреевна – студент Восточного факультета ФГБОУ ВО Государственный академический университет гуманитарных наук», Россия, Москва.
